

*МАЗАЛОВА Наталия Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Автор около 150 научных публикаций, в т. ч. трех монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7586-4506>

«НЕВА – ГЛАВНЫЙ ПРОСПЕКТ ПЕТЕРБУРГА»: СОВРЕМЕННЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОЖАН (часть 2)

Статья посвящена анализу мифологемы Нева, ее роли и месту в современной петербургской мифологии. Автор раскрывает значимость Невы как символа Петербурга, поскольку Нева является важным элементом современной городской мифологии. В качестве метода полевых исследований используется метод социальной антропологии и этнологии – экспериментальный, направленный на проверку выдвинутой гипотезы. При изучении мифологемы Нева применяется системный метод, направленный на выявление связей сложной системы – петербургской мифологии. В соответствии с принципами антропоцентризма Нева, как и вода, река в мифологии, олицетворяет женское начало, ее также рассматривают как артерию, главный элемент живого организма – города. Нева имеет мифологическое значение центра. Автор делает вывод о том, что мифологема Нева соотносится с такими важнейшими концептами культуры, как вода и река, и включает многие их характеристики. Кроме того, Нева наделена значением границы. На примере Невы показана специфика петербургской мифологии: дуализм природы и культуры. В работе отмечается, что именно петербургской мифологии свойственна следующая особенность: когда объект природы начинает восприниматься как культурный (Нева – главный проспект), а культурный объект воспринимается как природный (Невский проспект – приток Невы). Автор доказывает, что именно мифологема Нева репрезентирует два основных петербургских мифа – миф творения и эсхатологический. Неву можно рассматривать как один из символов, формирующих петербургскую идентичность.

Ключевые слова: *Нева, современная городская мифология, мифологема, миф творения, эсхатологический миф.*

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

Для цитирования: Мазалова Н.Е. «Нева – главный проспект Петербурга»: современные мифологические представления горожан (часть 2) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 1. С. 88–97. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.88

В первой части статьи проанализированы представления о Неве как женском начале, как части кровеносной системы города, также рассмотрена роль Невы в инициационных обрядах современной петербургской молодежи.

Представляется, что на примере Невы довольно четко прослеживается особенность петербургской мифологии и петербургского текста литературы – двоевластие природы и культуры: «Петербург как великий город оказывается не результатом победы, полного торжества культуры над природой, а местом, где воплощается, разыгрывается, реализуется двоевластие природы и культуры (ср. идеи Н.П. Анциферова). Этот природно-культурный кондоминиум не внешняя черта Петербурга, а сама его суть, нечто имманентно присущее ему» [1, с. 674]. Особенно четко это противопоставление прослеживается на примере Невы. Представления о ней амбивалентны: с одной стороны, река воспринимается как природный объект, особенно в периоды наводнения, когда она превращается в грозную природную стихию, способную уничтожить город, с другой – Неву горожане воспринимают как объект культуры.

Вот некоторые высказывания горожан на тему Нева – природный объект, однако, следует оговориться, объект природы в городском пространстве: «Нева – природный объект в городе: она – это все-таки что-то природное, явление, элемент ландшафта»; «Нева – пожалуй, элемент природы в городском пейзаже. Конечно. Ты едешь по реке, точнее по мосту через реку и чувствуется, когда ты из города выезжаешь на реку. Попадаешь в какую-то такую зону уже не чисто городскую» [2, л. 25].

Нева снабжает город водой, рыбой, является транспортной артерией, т. е. выполняет все функции природного водного объекта. Особенно важным было значение невской рыбы в блокаду. До сих пор в петербургских семьях рассказывают о том, как невяская рыба помогала выживать в блокаду: «Горожане ловили с барж и кораблей, на которых стояли зенитки. Собирали оглушенную рыбу после артобстрелов» [3]. Из-

вестный блокадный образ: оранжевые котлетки из в общем-то несъедобной рыбки колюшки.

Амбивалентные представления о Неве возникают в разное время года: «Да, я приезжала в Петербург до того, как поступила (в университет. – Н. М.), на 3 дня, мы катались по Неве, и это было вот одним из самых ярких воспоминаний в принципе – водная прогулка на этих катерах. Потому что, несмотря на то, что был дождь, потом вышло солнце. Это было 9 мая, ну перед 9 мая, 6-7. Прошел дождь, и все скрылись под крышу этого катерка, а я вышла на палубу, и это было так круто, накинулась пледиком, даже надела солнечные очки, потому что вышло солнце. И просто вот ехала так и смотрела на все, и это было, ну, впервые в моей жизни, и это было вообще незабываемо, что ли, для меня, что я еду просто по воде и взираю на такое великолепие» [2, л. 22].

Большей частью года (осенью, зимой, в начале весны) Нева другая – темная: «Темная, серая, холодная. Не знаю, наверное это не то чтобы характеристики воды, а скорее характеристики Невы» [2, л. 18]; «Потом, осенью, ну вот осенью я как раз наблюдала за ней, ну она такая серая, ну такая совсем серая, и ну типа вообще не очень, потому что еще небо серое, и получается так, что все серое. И когда идешь по этому же мосту, все серое. Типа вообще! Еще ветер дует холодный, то это прямо вообще не очень впечатление» [2, л. 34].

Нева, по представлениям петербуржцев, – река, таящая опасности и могущая стать причиной смерти человека: «Нева – опасная река, я в детстве, когда был у родственников в Угличе, пытался переплыть Волгу. А вот переплыть Неву – эта мысль мне даже в голову не приходила за всю жизнь, прожитую в Петербурге: слишком опасные подводные течения» [2, л. 43]. В этих примерах отражаются негативные характеристики мифологемы Нева: ее связь с потусторонним миром, смертью.

Однако далеко не все живущие в Петербурге воспринимают Неву как объект природы. С одной стороны, она органично вошла в городской пейзаж и превратилась в его часть:

«Про природу – не знаю, честно говоря, ничего кроме воды я в ней не вижу (смеется). Просто я даже не могу представить, что там на дне какие-то водоросли или рыбы. Просто Нева уже как-то слилась с городским пейзажем, что ты и не подозреваешь» [2, л. 52]. Возможны допущения: Нева – скорее не природа, а ее элемент, т. е. утративший основные признаки целого – природы: «...не стала бы ассоциировать Неву с природой. Если только элемент, да. Хотя для меня скорее элемент это деревья какие-то в центре, всегда им радуюсь. А вот в Петергофе, что странно, наоборот. Вот Ольгин пруд для меня это вообще природа, очень люблю это место. А на лес уже привыкла смотреть, но все равно классно» [2, л. 45]. На примере Невы прослеживается идея о превращении культурного объекта в природный. Прежде всего это связано с рукотворной обработкой ее берегов гранитом. Вспомните пушкинские слова, посвященные невским берегам: «береговой ее гранит». Вот описания невских берегов в стихах современной поэтессы:

Заковали в гранит и металл
Водную строптивую даль [4].

Здесь речь идет об одной из особенностей петербургского мифа – противопоставлении воды и камня, причем камня не природного, а обработанного: «Заложенная в идее обреченного города вечная борьба стихии и культуры реализуется в петербургском мифе как антитеза воды и камня. Причем это камень – не “природный”, “дикий” (необработанный), не скалы, искони стоящие на своих местах, а принесенный, обточенный и “очеловеченный”, окультуренный. Петербургский камень – артефакт, а не феномен природы» [5, с. 31–32].

Нева уподобляется архитектурным памятникам, теряя при этом признаки природы: «Для меня Нева – как Казанский, Исаакиевский собор, то же, что старинные петербургские здания, это – не природа, купаться в ней я бы не стала» [2, л. 42].

Для горожан Нева в центре города и на окраинах – разные реки. Нева в центре города – зачастую культурный объект, представле-

ние, основанное на уже упомянутой обработке ее берегов, а также расположении на них архитектурных памятников – одних из выдающихся в городе: «Для меня Нева в центре – это арт-объект, это символ Петербурга, Нева в Рыбацком с ее высокими берегами, не закованными в гранит, – это природный объект» [2, л. 76].

Действительно, до сих пор именно в Рыбацком (одном из отдаленных районов Петербурга) Нева напоминает северную реку с высокими берегами. Нева в Рыбацком также сравнивается с живым существом: наделяется способностью «дышать» – этот термин характеризует подъемы и спады воды, которые зависят от состояния Ладожского озера. Обычно подобные представления характерны для респондентов старшего возраста.

Возможно, одна из причин приобретения Невой признаков культуры кроется в мощном воздействии на представления о ней литературных, фольклорных источников, а также кинематографии.

На Неве постоянно разыгрываются два неразрывно связанных петербургских мифа – миф творения и миф разрушения [1], причем Нева является их главным действующим персонажем.

Так, Нева – природный объект – наделяется способностью дать жизнь культурному объекту – городу Петра. Одна из характеристик воды в мифологии – «первоначало, исходное состояние всего сущего» [6, с. 240]. Многие петербуржцы оценивают Неву как «причину возникновения города», как «реку, давшую жизнь прекрасному городу». По мнению молодой петербурженки, «Нева – символ Петербурга, потому что с нее начинается город. Петр хотел построить город на Неве» [2, л. 65].

В другом высказывании петербуржца отчетливо прослеживаются представления о Неве как порождающем город начале (миф творения): «Нева (по крайней мере из рек, с которыми я был знаком) это самая яркая иллюстрация демиургической концепции цивилизации. Поскольку Нева это еще и архитектоника места (в смысле даже не римского *loci*,

а скорее греческого топоса) – т. е. Река была здесь еще 4 тыс. лет назад (по самым скромным подсчетам), т. е. это мифологическая фигура одновременно и хроноса и архе – т. е. на ее фоне и на ее властной основе (собственно значение архе) разворачивалась история как со-бытие. Город взрос на этой архе как плод на растении» [2, л. 14].

Вода – среда зачатия и порождения, а также аналог материнского лона и чрева [6, с. 240]. Именно у Невы создавался город, и петербуржцы чувствуют себя у воды, как под защитой матери: «Центр – Петроградская сторона, Невский пр. и окрестности, Коломна, Пески, Васильевский остров. Границы размыты, ведь город не имеет единого центра. Единого нет, но в эмоциональном плане вода – Нева, все малые реки Петербурга, гавань. В последние несколько лет я поняла, что сочетание воды и красоты зданий на ее берегах для меня жизненно важно, буквально физически не могу жить без этого. Мне остро необходимо, чтобы на сетчатке глаза отпечатывались созданные архитекторами, думающими об окружающем ландшафте и пространстве, здания и непременно рядом была вода – для отражения неба, для того, чтобы чувствовать ветер, для отражения зданий, для того, чтобы смывать и омывая мои дни, мою жизнь. Понимание пришло после разных путешествий и встреч с другими прекрасными городами. Т. е. эмоции – это успокоение, спокойствие, прежде всего, которое родственно тем чувствам, которые испытывает младенец к матери – чувство дома. И чувство защищенности – да, в болотах, да, на ветру, да, в дождь и т. д.» [2, л. 24].

С другой стороны, Неву воспринимают как разрушительное начало: «Для меня это точно разрушительное. Я вот уже говорила про потопа. Если идти по Университетской набережной, там везде эти метки – где был уровень воды. И я не представляю, я просто не могу, например, ну как так, вода разлилась – и что тогда люди делали? Это же потом надо было все заново, короче, да, Нева это разрушительное начало скорее» [2, л. 28]; «Чувство тревоги

было, когда я смотрела, ну знаешь, сейчас же Нева покрылась льдом, и я иду и думаю “блин, а вдруг там кто-нибудь упал уже когда-то и утонул в этих льдах”, очень страшно. То есть да, страх, тревога, вот эти два чувства возникают в этот момент, когда смотришь на эти льды и думаешь» [2, л. 27].

Любопытно, что на восприятие Невы в этом качестве могли повлиять кинематограф и даже мультфильмы: «Нева для меня это разрушительное начало. Когда я была маленькая, я смотрела мультфильм по Медному Всаднику и там было так страшно, все выходит из берегов, начинает заливать, и эта статуя огромная гоняется по городу. Мне было так страшно!!! То есть вода проливается и что ней делать? Дамбы – это круто, но что бывает когда их нет даже страшно представить» [2, л. 29].

Нева связана не только с мифом творения, но и с еще одним петербургским мифом – эсхатологическим. Так, в конце XX – начале XXI века актуализируются эсхатологические мифы, где предсказывается гибель города в результате потопа, погружения на дно моря. Миф конца определяет главную тему петербургской мифологии. Этот миф порождает «психологический тип ожидания катастрофы» [1, с. 677]. Миф конца подтверждался почти ежегодными наводнениями (за все время существования город пережил их более 270: наводнение – это подъем воды на 1,5 метра выше ординара).

Петербург расположен на море, в устье Невы, это позволяет отнести его к «эксцентрическим городам», находящимся на краю «культурного» пространства: «Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, – с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии» [5, с. 35].

Так, актуализировавшиеся в конце XX века мифы о конце света (столкновение планет, глобальное потепление и глобальное похолодание, опасные вирусы и др.) в Петербурге имеют собственное содержание: город погибнет в результате потопа после землетрясения. Казалось бы, сейчас, когда построена дамба, рассказы о возможном затоплении должны утратить актуальность, но это не так. В 1990-е годы, уже после ее возведения, в городе бытовали пословицы: «С дамбой ли, без дамбы – все равно нам амба»; «Ленинграду – д’амба». И до пор некоторые петербуржцы, причем как старшего, среднего, так и молодого возраста, сохранили страх перед возможным затоплением. Так, на вопросы анкеты об опасностях Петербурга как мегаполиса многие горожане отвечали: наводнение. Мифологические представления о возможном потопе отчасти основаны на реальных фактах – глобальном потеплении и похолодании, таянии ледников: «По-моему я слышала, что что-то Нева начинает там уровень свой изменять, до того, что что-то там скоро затопит. <...> Эмоционально я чувствую, что это что-то такое, что забирает силы из Петербурга» [2, л. 24].

Тема возможного затопления города встречается в стихотворениях современных поэтов: невские воды выходят из берегов, устремляются на Дворцовую площадь и – далее – на Невский проспект:

... что ожидает Петербург?..
Дворец и царские палаты?
Или воды смертельный круг...
Увидит ангел мой крылатый?..
Вот, на Дворцовой взор слепой
Сокрыли вспененные воды
И устремились всей Невой
Сквозь Арки каменные воды
На Невский струями, реками
И бесконечными волнами [7].

Постоянные наводнения причиняли ущерб городу. Например, подвалы Кунсткамеры постоянно заливало невской водой. Современная писательница Т. Толстая в повести «Река Оккервиль» рисует разыгравшуюся стихию наводнения как раз на примере Кунсткамеры:

«Реки, добежав до вздутого, устрашающего моря, бросались вспять, шипящим напором отщелкивали чугунные люки и быстро поднимали водяные спины в музейных подвалах, облизывая хрупкие, разваливающиеся сырым песком коллекции, шаманские маски из петушиных перьев, кривые заморские мечи, шитые бисером халаты, жилистые ноги злых, разбуженных среди ночи сотрудников» [8]. Однако это не реалистическое описание происходящего, а его художественное осмысление. Здесь мы вновь сталкиваемся с мифологическим осмыслением природной стихии воды.

Этнографические коллекции (шаманские маски, мечи и проч.) никогда в подвалах Кунсткамеры не хранились – только антропологические (кости, черепа), которым вода не причиняла вред. В подвале также был склад: его содержимое должны были поднимать наверх вызываемые в период наводнения в обязательном порядке все молодые сотрудники-мужчины. Вот описание ликвидационных работ одного из сотрудников Кунсткамеры А.Г. Козинцева: «Пересечь ночью по диагонали пустынное осеннее Марсово поле, пройти по безлюдной набережной, борясь с западным ветром, под мчащимися по небу тучами – этот нестрашный разрыв повседневности мне даже нравился, тем более что предстояла встреча с коллегами, с которыми где же и поговоришь, как не на овощебазе, в совхозе или такой ночью, во время сравнительно безобидного стихийного бедствия. Наводнения были не такие, как во времена Медного Всадника или в 1924 году. Чтобы страдали какие-то коллекции, я не помню – заливало, собственно, в основном ближайший к лестнице подвальный склад. Там лежали и нужные вещи (писчая бумага, например), и не очень нужные, и даже такие, которые, право, лучше бы затопило. К последним относилась радиостанция, столь же тяжелая, сколь и бесполезная, числившаяся за нами по Гражданской обороне. Пользоваться ею никто не умел, да это и не предполагалось, но за нее надо было отчитываться. <...> Когда ее-таки залило, мы вздохнули с некоторым облегчени-

ем – виртуальный прибор погиб согласно инструкции при виртуальной чрезвычайной ситуации» [2, л. 53].

Кроме того, в подвале хранились канистры со спиртом для нужд антропологов, который не всегда использовался сотрудниками по прямому назначению. Я записывала рассказы о спасательных работах в Кунсткамере и от очевидцев, и от сотрудников, начавших свою деятельность в Музее уже позже. Вот, например, выдержка из рассказа сотрудницы, пришедшей работать в Кунсткамеру в 1970-х годах: «Про этот потоп слышала рассказы сотрудников МАЭ позже. Подвал-склад был в воде. Туда нырял Яша из Антропологии и вынимал спирт» [2, л. 34]. Очевидец данного события описал эпизод по-другому: антрополог Яша в высоких рыбацких сапогах пошел на склад и принес канистру со спиртом, который помог скоротать скучное времяпровождение – ожидание, когда наводнение наконец закончится. Этот эпизод – пример того, как со временем происходят мифологизация событий, связанных с наводнением, гиперболизация его масштабов.

Представления о возможном затоплении Петербурга отражаются в снах современных горожан; например: «Представляете себе. Перекресток Фонтанки и Невского? Над водой только верхние этажи, да крыши домов. Помню, что со стороны пл. Восстания огромная (метров 50 высотой) волна идет...» [9]; «Маме постоянно снится, что дом ее детства на Петроградской стороне залива захлестывают огромные волны»; «Я живу напротив Октябрьского. Иногда мне снится: из окна своей квартиры я вижу, как его заливают вода» [2, л. 47]. Такие сны относятся к числу постоянно повторяющихся, в них отражаются страхи горожан. Нева не только «породила» город, но и постоянно угрожает его существованию.

Сны горожан, связанные с Невой, могут иметь апокалиптическую окраску: «Мне снится, что я иду по Дворцовому мосту, неожиданно темнеет небо со стороны Финского залива, я вижу, это – не тучи, а огромный черный паук, который оплетает небо над городом. Понимаю,

что наступил конец света. Здания на набережной начинают разрушаться, идут трещинами. <...> затем я вижу, что вода в Неве становится красной, а у Дворцового моста со стороны Петропавловки из воды появляется голова огромного чудовища с рогами. Я понимаю, что это – конец» [2, л. 25]. Ср. описание апокалиптического чудовища в романе Д.С. Мережковского: «Все смотрели на фейерверк в оцепенении ужаса. Когда же появилось в клубах дыма, освещенных разноцветными бенгальскими огнями, пльвшее по Неве от Петропавловской крепости к Летнему саду, морское чудовище с чешуйчатými, колючими плавниками и крыльями, – им почудилось, что это и есть предреченный в Откровении Зверь, выходящий из бездны...» [10, с. 65]. В приведенном сне информантки прослеживаются мотивы Апокалипсиса: вода в реках становится красной, огромное насекомое ассоциируется с образом саранчи, которая мучает людей; чудовище с рогами напоминает зверя Апокалипсиса, который будет хулить Бога, вызовет голод, чуму, войны и разрушения.

И в других современных представлениях горожан, связанных с Невой, отражаются христианские апокалиптические мотивы. В частности, до сих пор существует мнение о том, что вода в Неве красная из-за того, что в нее стекала кровь убитых в Большом доме в годы репрессий: «Трупы казненных просто сбрасывали в Неву. Для удобства энкавэдэшников из подвалов “Большого дома” была проложена специальная сливная труба, по которой кровь замученных и казненных стекала прямо в Неву. С тех пор ленинградцы уверены, что именно поэтому цвет воды напротив “Большого дома” навсегда приобрел красновато-кирпичный оттенок» [11, с. 197]. Таким образом, в представлениях о Неве отражается еще одна особенность Невы-мифологемы: ее связь с библейскими текстами.

Пожалуй, уникальность петербургской мифологии состоит в том, что Нева – важнейшая водная артерия, главная водная ось мегаполиса – воспринимается как центр Пе-

Петербурга. Вот как характеризуют ее петербуржцы: «Нева – центр города и его фишечка»; «Нева – главный проспект Петербурга (как правило, пустующий)». Выражение «Нева – главный проспект Петербурга» стало крылатым; к сожалению, не удалось выяснить, кому оно принадлежит, по крайней мере сейчас оно воспринимается как плод коллективного творчества. Прежде всего эта номинация определяется тем, что, когда город строился, Нева в действительности стала главным проспектом столицы, а ее протоки – улицами и переулками. Как и много лет назад, в наши дни Нева воспринимается как главный «проспект» города, обе стороны которого застроены уникальными зданиями, дворцами и соборами Санкт-Петербурга и по берегам которого возвышаются самые красивые дома: Эрмитаж (Зимний дворец), Петропавловская крепость, Кунсткамера, Биржа, Меншиковский дворец и др. Центр Петербурга осознается как соединение Невы и архитектурных сооружений: «Центр Петербурга – все, что попадает в окоем между Дворцовым и Троицким мостами. Стрелка Васильевского острова, Эрмитаж, Петропавловка – в любом порядке, а еще Летний сад. Мне там хорошо, у меня там “душа на месте”» [2, л. 29].

Большая часть городов мира обладает единым выделенным центром: в Москве – Кремль, в Лондоне – Тауэр и т. д. В Петербурге нет единого центра, это полицентричный город [12]. В качестве центра Петербурга горожане называют несколько визуальных локусов городского пространства, которые совпадают с исторически сложившимися в разное время комплексами центра: Петропавловская крепость, Стрелка Васильевского острова, Дворцовая площадь, Невский проспект и др. Кроме того, выделяются доминанты центра – шпиль, собор, дворец и т. д., т. е. объекты горизонтальной направленности. Эти архитектурные сооружения можно сравнить с «центральной осью», обладающей сакральной сущностью. Нева – природный объект, имеющий верти-

кальную направленность, – тем не менее признается центром Петербурга.

В признании объекта природы центром города заключается отличительная особенность мифологического восприятия центра Петербурга горожанами, по крайней мере мне не удалось встретить других примеров, где река считалась бы центром города. Для некоторых петербуржцев именно в водных артериях – суть и смысл Петербурга: «Нева + Фонтанка + Обводный канал = водные артерии воспринимаю как присущность города, даже Финский залив – более безразличен» [2, л. 33]; «Нева – это душа Петербурга» [2, л. 18]. По народным представлениям русских, душа человека локализуется в груди – мифологическом центре человеческого тела.

Именно у Невы город проявляет себя как некая высшая субстанция: «Центр Петербурга – акватория Невы между Петропавловкой и Дворцовой. Восторг. Изумление перед рукотворным совершенством. Ощущение присутствия высшего существа (Города?). Чувство, что ты “на месте”, дома» [2, л. 48].

У Невы горожане ощущают величие, красоту своего необыкновенного города, чувствуют себя патриотами города: «Кусок Невы между Троицким, Дворцовым и Биржевым мостами – это центр с не-бытовой точки зрения. Ощущение величия и красоты (патриотизм города, ничего общего с патриотизмом страны не имеющий). Ну, скажем так, означенный кусок Невы – самое красивое место мира, помогающее смириться с мелочами нынешнего дня и ни в коем случае никуда отсюда не уезжать, потому что ничего такого прекрасного нигде нет. Я даже когда на автобусе еду, иногда делюсь с какими-нибудь случайными неместными своими горячими эмоциями по поводу этой красоты! При этом очень мало ходила на всякие салюты, парады и т. п., потому что людьми это величие снимается как ощущение» [2, л. 22].

С одной стороны, Неву называют главным проспектом Петербурга, т. е. это своеобразное свидетельство осознания природного объекта

как культурного. С другой стороны, Невский проспект, который, по словам Н.В. Гоголя, «для Петербурга составляет все», сравнивают с природным компонентом – Невой, называют ее рукавом, вторым руслом. По мифологическим представлениям современных горожан, Нева – главная градообразующая водная артерия тела города (река в традиционной мифологии – артерия земли), а Невский проспект – сухопутное ее продолжение: «Градообразующая артерия города, его кровеносная система – Нева. Невский, Невская перспектива, как продолжение Невы, – артерия, он реальный, живой, кипит, был живым даже в самые страшные годы существования города – блокаду» [2, л. 27]; «Невский проспект – средоточие всех потоков, от Невы до Невы» [2, л. 38].

Образ Невского проспекта – реки, притока Невы – встречается в произведениях современных писателей: «...я шел по направлению к Невскому проспекту, который уже издали светился, как река во время карнавала, – в общем-то он и был рекой – Невский проспект, вливающийся где-то вдалеке в Неву, – он был ее притоком, прямым и широким, разделяющим весь Невский район города на две части: одну,

некогда аристократическую <...> и другую часть, некогда демократическую» [13, с. 165–166]; «...когда я выхожу из вокзала ранним утром на пустой, привольный и прохладный Невский, то словно опускаюсь в медленную широкую реку, которая несет меня к далекому золотому шпилью <...> в конце проспекта» [14, с. 18]. Все эти примеры подтверждают выявленную нами особенность современного петербургского мифа – «перетекание» природы в культуру и наоборот.

Возможно, представления о Невском как рукаве, русле Невы основаны на существующей легенде, которая гласит, что, по замыслу Петра I, Невский проспект должен был быть прямым: начинаться у Невы (в районе Александро-Невской лавры) и у нее же заканчиваться (около Адмиралтейства).

Таким образом, в мифологеме Нева нашли отражение представления о Неве как центре Петербурга, с которого начинается город (миф творения), и как реке, угрожающей городу (эсхатологический миф). Кроме того, Нева может рассматриваться в качестве одного из символов, который формирует петербургскую идентичность.

Список литературы

1. *Топоров В.Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
2. Полевые материалы Н.Е. Мазаловой // Арх. Музея антропологии и этнографии Рос. акад. наук (АМАЭ РАН). Ф. 7. Оп. 1. № 2357.
3. Корюшка и колюшка или ловля рыбы в блокадном Ленинграде. URL: <https://ymedvedev.livejournal.com/15307.html> (дата обращения: 15.05.2018).
4. *Никольская Л.* По течению плывет волна. URL: <http://www.stihi.ru/2015/05/12/1329> (дата обращения: 20.05.2019).
5. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 30–45.
6. *Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. Т. 1. А–К. М.: Большая рос. энцикл., 1998.
7. *Магницкая С.* Стихи. URL: <http://svet-slova.ru> (дата обращения: 23.03.2019).
8. *Толстая Т.* Река Оккервиль. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=27623&p=1> (дата обращения: 24.02.2019).
9. Сны. URL: kovcheg-sfera.ru (дата обращения: 04.02.2018).
10. *Мережковский Д.С.* Антихрист. Петр и Алексей. М., 1905. 609 с.

11. *Синдаловский Н.А.* Дьявольское безумие террора: Петербургские страницы истории русского терроризма глазами городского фольклора // *Нева*. 2011. № 7. С. 193–211.

12. *Мазалова Н.Е.* «Ты в центре Петербурга – в центре мира»: представления петербуржцев о центре города // *Антропология Петербурга: сб. ст. к 85-летию со дня рождения Н.В. Юхневой*. СПб.: МАЭ РАН, 2017. Ч. 1. С. 377–401.

13. *Цыпкин Л.* *Лето в Бадене*. Роман. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 224 с.

14. *Попов В.* *Безумное плавание*. СПб.: Метропресс, 2015. 256 с.

References

1. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst* [Petersburg Text]. Moscow, 2009. 820 p.
2. N.E. Mazalova's Field Materials. *Archives of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences*. Coll. 7. Inv. 1. No. 2357 (in Russ.).
3. *Koryushka i kolyushka ili lovlya ryby v blokadnom Leningrade* [The Sticklebacks and the Smelt, or Fishing in the Sieged Leningrad]. Available at: <https://ymedvedev.livejournal.com/15307.html> (accessed: 15 May 2018).
4. Nikol'skaya L. *Po techen'yu plyvet volna* [A Wave Goes with the Flow]. Available at: <http://www.stihi.ru/2015/05/12/1329> (accessed: 20 May 2019).
5. Lotman Yu.M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbolism of St. Petersburg and the Problem of Urban Semiotics]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 664. Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam XVIII* [Proceedings of Tartu State University. Iss. 664. Urban Semiotics and Culture. St. Petersburg. Works on Sign Systems XVIII]. Leningrad, 1984, pp. 30–45.
6. Averintsev S.S. Voda [Water]. *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. A-K. Moscow, 1998.
7. Magnitskaya S. *Stikhi* [Poems]. Available at: <http://svet-slova.ru> (accessed: 23 March 2019).
8. Tolstaya T. *Reka Okkervil'* [The Okkervil River]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=27623&p=1> (accessed: 24 February 2019).
9. *Dreams*. Available at: kovcheg-sfera.ru (accessed: 4 February 2018) (in Russ.).
10. Merezhkovsky D.S. *Antikhris. Petr i Aleksey* [The Antichrist. Peter and Alexis]. Moscow, 1905. 609 p.
11. Sindalovskiy N.A. D'yavol'skoe bezumie terrora: Peterburgskie stranitsy istorii russkogo terrorizma glazami gorodskogo fol'klora [The Devilish Madness of Terror: St. Petersburg Pages in the History of Russian Terror Through the Eyes of Urban Folklore]. *Neva*, 2011, no. 7, pp. 193–211.
12. Mazalova N.E. "Ty v tsentre Peterburga – v tsentre mira": predstavleniya peterburzhtsev o tsentre goroda ["You're in the Centre of St. Petersburg – in the Centre of the World"]. *Antropologiya Peterburga* [Anthropology of St. Petersburg]. St. Petersburg, 2017. Pt. 1, pp. 377–401.
13. Tsypkin L. *Leto v Badene. Roman* [Summer in Baden: A Novel]. Moscow, 2003. 224 p.
14. Popov V. *Bezumnoe plavanie* [A Crazy Voyage]. St. Petersburg, 2015. 256 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.88

Nataliya E. Mazalova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences;
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7586-4506> e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

“THE NEVA IS ST. PETERSBURG’S MAIN AVENUE”: CONTEMPORARY MYTHOLOGICAL IDEAS OF THE CITY DWELLERS (Part 2)

This article analyses the Neva River mythologeme, its role and place in St. Petersburg mythology. The author dwells on the importance of the Neva River as a symbol of St. Petersburg, being a significant element of modern urban mythology. As a method of field research, the author applied the experimental method of social anthropology and ethnology aimed to test the hypothesis made.

In addition, the systematic method was used to study the Neva River mythologeme in order to reveal the connections within the complex system of St. Petersburg mythology. According to the principles of anthropocentrism, the Neva, as any river or water in mythology, represents the feminine; moreover, it is considered as an artery, a key element of a living organism, which is the city. In addition, the Neva has a mythological meaning of the centre. The author concludes that the Neva River mythologeme correlates with such important concepts of culture as water and river and has many of their characteristics. The Neva is also endowed with the meaning of the border. Using the example of the Neva River, the paper shows the specificity of St. Petersburg mythology: the dualism of nature and culture. The author notes that St. Petersburg mythology is characterized by the following: an object of nature begins to be perceived as a cultural object (the Neva as the main avenue) and a cultural object is perceived as a natural object (Nevsky Avenue as a tributary of the Neva). The article proves that it is the Neva River mythologeme that represents two main St. Petersburg myths: the creation myth and the eschatological myth. Therefore, the Neva can be considered as one of the symbols forming St. Petersburg identity.

Keywords: *Neva River, contemporary urban mythology, mythologeme, creation myth, eschatological myth.*

Поступила: 16.10.2019

Принята: 15.12.2019

Received: 16 October 2019

Accepted: 15 December 2019

For citation: Mazalova N.E. “The Neva Is St. Petersburg’s Main Avenue”: Contemporary Mythological Ideas of the City Dwellers (Part 2). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2020, no. 1, pp. 88–97. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.88